

DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2021-12-46-57

Как разрушался СССР

В.И. КЛИСТОРИН, доктор экономических наук

E-mail: klistorin@ieie.nsc.ru; ORCID: 0000-0002-4011-5932

Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН,
Новосибирск

Аннотация. Рассматривается цепь событий и политико-экономических процессов, которые привели к распаду СССР. Показано, что разрушение страны представляло собой длительный процесс, и постепенная деградация институтов реального социализма была неизбежна в силу невозможности преодолеть экстенсивную модель развития. Постоянные попытки реформирования экономики и системы управления в стране угрожали потерей влияния и ресурсов центрального аппарата и потому свертывались. В самой конструкции СССР были заложены серьезные противоречия, межнациональные и межрегиональные конфликты. Стержнем политико-экономической системы в СССР была КПСС и центральные ведомства, включая силовые. Когда было потеряно единство в этих структурах, распад страны оказался неизбежным. Автор считает, что попытки представить указанные процессы как исключительно субъективные необоснованны. Мало кто в стране и за рубежом действительно хотел подобного развития событий, но, действуя в собственных интересах, многие им способствовали.

Ключевые слова: СССР; модель экономического роста; реформы; референдум; имидж страны; конфликты; катастрофы; монополия КПСС; государственный капитализм

*Между потерей кошелька и обнаружением
утраты проходит некоторое время.*

Народная мудрость

*«Великую цивилизацию нельзя завоевать извне,
пока она не разрушит себя изнутри».*

Уилл Дюрант

Формально СССР прекратил свое существование как «субъект международного права и геополитической реальности» 8 декабря 1991 г. в результате подписания Соглашения о создании Содружества Независимых Государств (СНГ). До сих пор множество людей верят в то, что собравшиеся в Беловежской пуще Б. Ельцин, С. Шушкевич, Л. Кравчук, а также Г. Бурбулис, В. Кебич и В. Фокин в присутствии некоторых других лиц подписали позорный акт, похоронивший великую державу, что явилось крупнейшей геополитической катастрофой в XX веке. Последующее подписание Алма-Атинской декларации лишь подтвердило ранее принятое решение. Уверенность, что произошедшее было следствием субъективного фактора, как и различные конспирологические версии, вполне живы.

Но следует напомнить, что этому предшествовало множество других, не менее судьбоносных фактов. Первое, что вспоминается – это провал ГКЧП и последующие события, после которых практически все республики провозгласили свой суверенитет. До сих пор обсуждаются причины провала ГКЧП, но в этом дискурсе как-то не замечают двух важных моментов. Во-первых, в предыдущих случаях применения военной силы, например, в Тбилиси или Вильнюсе, политическое руководство открестилось от своей ответственности, а там, где применение силы запоздало, как в Сумгаите или Фергане, руководители силовых структур, насколько известно, не пострадали. Во-вторых, само руководство ГКЧП, выражавшее взгляды лишь части истеблишмента, с одной стороны, шло на чрезвычайные меры, а с другой – стремилось оставаться в правовом поле.

Переговоры о заключении нового союзного договора в русле решений IV съезда народных депутатов СССР превратились в обсуждение конфедеративного устройства совершенно другого политического образования – Союза Суверенных Государств. Параллельно шел процесс фактической передачи функций и переподчинения союзных органов исполнительной власти республиканским. Принятие Съездом народных депутатов СССР закона «Об органах государственной власти и управления Союза ССР в переходный период» в сентябре 1991 г. подвело черту под существованием СССР даже более жирную, нежели в декабре того же года. Символично и то, что Съезд, приняв это решение, самораспустился. Потом были приняты решения о признании выхода прибалтийских республик из Союза ССР и признание результатов референдума, поддержавшего Акт о провозглашении независимости Украины, принятого Верховным Советом УССР еще 24 августа.

Но вернемся назад. Само предложение заключения нового союзного договора в декабре 1990 г. предполагало серьезное перестроение всей системы управления в стране. Но главное состояло в том, что был предложен переговорный процесс для выстраивания этих новых контуров власти. Это полностью противоречило модели, заложенной при основании СССР в 1922 г. Страна в любом случае уже не смогла бы остаться прежней.

Референдум, проведенный 17 марта 1991 г., включал лишь один вопрос о сохранении обновленного Союза СССР и также

оказался важным событием. И вовсе не потому, что в нем приняли участие 80% избирателей, из которых три четверти ответили утвердительно. Дело в том, что в шести республиках референдум не проводился, а в РСФСР параллельно был проведен референдум о введении поста президента, и большинство избирателей с этим согласилось. Украинский референдум также включал дополнительный вопрос о вхождении республики в состав обновленного Союза на принципах декларации о государственном суверенитете. Таким образом, крупнейшие республики одобрили два взаимоисключающих решения.

Наконец, граждане РСФСР голосовали за сохранение Союза вовсе не единогласно. Более 20% высказались против его сохранения. Сама постановка вопроса о необходимости сохранения страны уже порождала сомнения в ее жизнеспособности. По горячим следам мы опубликовали тогда статью, в которой прогнозировались бурные события, спровоцированные референдумом и его итогом, когда граждане проголосовали за взаимоисключающие решения [Клисторин, Павленко, 1991]. Это была крупная веха на долгом пути распада.

Право на выход республик из состава СССР было закреплено во всех советских конституциях. Но это была просто декларация, поскольку, с одной стороны, не существовало легитимной процедуры выхода, а с другой – эффективно работали структуры, подавлявшие саму мысль о расставании с Союзом.

Но заглянем еще глубже в историю. Напомним, что Декларация о суверенитете РСФСР была принята первым съездом народных депутатов этой республики еще 12 апреля 1990 г. подавляющим большинством голосов. Разумеется, речь шла о суверенитете в рамках и границах обновленного СССР, но это событие положило начало двоевластию в стране. В том же 1990-м 16 июля Декларацию о суверенитете принял Верховный Совет УССР, что означало, что крупнейшие республики Союза намерены строить свои отношения с центральной властью на равных.

Вопрос о единстве партии и ее главенствующей роли во всей политико-экономической конструкции страны был наиважнейшим практически с момента зарождения большевизма, т.е. еще до того момента, когда партия стала правящей. Во всяком случае, после уничтожения оппозиции внутри ВКП(б) в начале 1920-х сложилась уникальная система контроля партии за всеми струк-

турами и процессами в обществе и вышестоящих партийных комитетов над нижестоящими.

Фактическое положение о выходе республик из состава Союза было закреплено в Конституции СССР в 1977 г., но подразумевалось и ранее, поскольку Союз объявлялся добровольным объединением независимых государств. Формально республики были наделены огромными правами, в том числе правом вступать в международные отношения с иностранными государствами, заключать с ними договоры, обмениваться дипломатическими и консульскими представительствами, участвовать в деятельности международных организаций.

Правда, подобные действия должны были утверждаться союзным центром, и это делало сам статус союзной республики эфемерным, на что, в частности, указывает история Карело-Финской СССР, возникшей из-за геополитических нужд, и из-за них же и прекратившей свое существование. Кроме того, назначения на ключевые партийные и хозяйственные должности в союзных республиках также утверждались в центре.

Таким образом, широкие права республик были фикцией в силу централизма КПСС, называемого демократическим. Но в союзных республиках формировалась элита, прежде всего хозяйственная, научная и гуманитарная, включая деятелей искусства, которая негативно воспринимала свое зависимое положение и стремилась к большей самостоятельности.

Идея о существовании отдельной компартии РСФСР обсуждалась еще в 1925 г., когда РКП(б) была переименована в ВКП(б). Ряд высших руководителей партии выступали за создание отдельной русской партийной организации, но, в конечном счете, И. В. Сталин добился отказа от этой идеи, представив ее величайшей опасностью, которая привела бы к федералистскому раздроблению партии.

Но идея не умерла, и в декабре 1989 г. было решено возродить Российское бюро ЦК КПСС по аналогии с существовавшим в 1956–1966 гг. Это было отражением фактического раскола в несущей конструкции советского государства. Будущие историки, несомненно, выяснят, чего больше было в этом движении: консерватизма, национализма или демократизма. Но факт остается фактом, и оппозиция внутри КПСС усиливалась.

Созданный в 1989 г. Объединенный фронт трудящихся как реакция на образование народных фронтов в республиках СССР, движение «Коммунистическая инициатива», целью которого было формирование Российской коммунистической партии, наконец, прекращение полномочий Российского бюро ЦК КПСС и избрание ЦК КП РСФСР во главе с И. Полозковым окончательно закрепили раскол в партии. Следует заметить, что эти процессы не были чисто «верхушечными», поскольку опирались в том числе и на опросы в первичных организациях. Но главная борьба шла внутри аппарата, во многом лишившегося идеологии, завязанного на региональные, ведомственные, корпоративные и карьерные интересы. Поэтому неудивительно, что в дальнейшем на Съезде народных депутатов РСФСР возникла фракция «Коммунисты за демократию».

Параллельно шла борьба за отмену идеологической, политической и, следовательно, управленческой монополии КПСС. Она стала явной уже в ходе выборов народных депутатов СССР весной 1989 г. Потом требование отмены 6-й статьи Конституции превратилось в главный лозунг массовых демонстраций в столице и некоторых других городах и в итоге привело к восстановлению многопартийности в стране, уничтоженной еще в ходе Гражданской войны. Многие партии и движения создавались при поддержке партийных и советских органов, а также спецслужб, что тоже отражало утрату монолитности в стране и элитах.

Хотя это всячески отрицалось, но следует согласиться, что пусть не формально, но по сути СССР был империей, причем империей ассиметричной. Кроме собственно союзных республик в нее входили страны социалистического содружества и сателлиты на других континентах. Демонтаж социалистической системы в странах Восточной Европы, начавшийся в 1988 г., привел к ликвидации главных имперских институтов: Организации Варшавского договора и Совета экономической взаимопомощи. Эти процессы оказали большое влияние на внутривнутриполитическую и экономическую ситуацию в СССР и ускорили назревавший кризис.

Начало распаду социалистического содружества как внешнего контура империи положили отказ от «доктрины Брежнева» и провозглашение принципов «нового мышления» во внешней политике СССР в 1985 г. Последующие решения, такие как отказ

от использования переводного рубля в пользу конвертируемой валюты во внешнеэкономических отношениях внутри СЭВ, только ускорили процесс. Современные исследователи отмечают, что внутри СЭВ рост противоречий наблюдался, по крайней мере, с 1970-х годов, а после резкого роста цен на энергоносители он особенно усилился. Глубинная причина видится в несовместимости принципов международной торговли с плановым ценообразованием и распределением ресурсов.

Многие авторы связывают распад СССР с экономическими проблемами. С этим трудно спорить, хотя согласно имеющимся статистическим данным до 1998 г. рецессии в стране не наблюдалось. Более того, некоторые исследователи доказывают, что никакого экономического кризиса в стране не было и позже, а сам кризис был рукотворным и явился результатом действий деструктивных сил [Островский, 2011]. При этом упускается из виду, что главными деструктивными силами были сами органы власти и управления.

Но в стране имелись и иные экономические проблемы, не касающиеся непосредственно темпов роста ВВП. Прежде всего следует отметить нарастающий дефицит и расстройство денежного обращения, что в конечном счете привело к введению карточной системы в мирное время, денежной реформе и т.д. Крайне неудачная экономическая реформа 1987 г., пришедшая на смену провальной стратегии ускорения и базировавшаяся на законах о государственном предприятии, об индивидуальной трудовой деятельности и о кооперации вместе с иными новациями в духе новой экономической политики 1920-х годов, привели к сокращению производства, нарастанию денежного навеса и инфляции как в открытой, так и скрытой формах.

Дело в том, что институциональная структура советского общества претерпела значительные трансформации, а партийная и хозяйственная элита радикально изменились. Стало нормой отношение к государственной собственности как к личной. Это даже закрепились в языке: мой завод, мой колхоз, я построил, я решил и т.д. Перерождение элиты и формирование внутри нее кланов привело к смещению целей в сторону личного обогащения, стремлению превратить власть-собственность в реальную частную собственность и сделать ее наследственной. Особенно

ярко это демонстрировала наиболее молодая часть аппарата – комсомолцы.

В результате создание кооперативов вместо расширения производства товаров и увеличения предложения привело к росту реализации по договорным ценам и расцвету спекуляции. Далее последовали фактическая приватизация части оборотных средств государственных предприятий и легализация теневых капиталов. В условиях советской налоговой системы и государственного кредита даже легальная деятельность кооперативов могла приносить немислимые прибыли при минимуме издержек. В том же направлении и с теми же результатами действовали и совместные предприятия.

Введение государственного заказа, узаконившего двойное ценообразование на продукцию (твердые цены по госзаказу в течение большей части года и свободные после выполнения плана), обусловило скачки цен в конце года и породило коррупцию в ранее невиданных масштабах. Подобные примеры можно продолжать.

Опыт отечественных экономических реформ в послевоенное время наглядно показывает, что все они в той или иной степени базировались на идеях нэпа, предполагали более или менее радикальную децентрализацию управления экономикой, получали широкую поддержку «снизу» со стороны руководителей предприятий и научного сообщества и оканчивались крахом из-за сопротивления центрального аппарата и нарастания противоречий между системой централизованного распределения ресурсов и децентрализованного присвоения общего результата [Клисторин, 2021].

Но, как было отмечено, социально-экономическая ситуация в стране и, главное, структура общества за 70 лет изменились неузнаваемо. Если в первые десятилетия наблюдался повсеместный быстрый рост населения, то уже с 1970-х годов $\frac{3}{4}$ прироста населения обеспечивались республиками Средней Азии и Кавказа. Обратной стала пропорция городского и сельского населения. Агропромышленный комплекс из донора национальной экономики превратился в реципиента. Наконец, если в период нэпа новые предприниматели в той или иной степени копировали дореволюционные технологии ведения бизнеса,

то в позднесоветский период уже была наработана практика теневой коммерции и общения с властными структурами.

В элите постепенно вызревало общее мнение о необходимости замены существующей политико-экономической системы государственным капитализмом. В то же время в среде интеллигенции и широких народных масс зрел протест против складывающегося сословного характера общества, вылившийся в требование отмены привилегий.

Революция в России победила во многом из-за того, что ее идеи, включая борьбу с сословными привилегиями и несправедливостью, встречали поддержку в самых разных слоях общества. Спустя почти 70 лет вновь возникла схожая ситуация.

Но вернемся к экономическим причинам распада СССР. Е. Гайдар в качестве основной из них называет резкое ухудшение мировой конъюнктуры, а именно падение цен на нефть:

«13 сентября 1985 г. министр нефтяной промышленности Саудовской Аравии Ямани объявил, что его страна не готова дальше сокращать добычу нефти и будет наращивать ее производство. Увеличение добычи нефти в Саудовской Аравии в 1985–1986 гг. более чем втрое радикально меняет ситуацию на рынке. Нефтедобывающие страны соревнуются, кто быстрее снизит цены, чтобы сохранить свою долю на рынке» [Гайдар, 2015. С. 78]. Но в своем анализе он помимо нестабильности цен на нефть среди ключевых экономических причин называет «голландскую болезнь». Еще дальше диагностирует трещины в фундаменте с начала 1980-х годов и, наконец, утверждает, что последний шанс реформирования советской экономики был упущен со свертыванием косыгинской реформы [Гайдар, 2015. С. 91].

С Е. Гайдаром трудно спорить хотя бы потому, что, помимо статистических данных и многочисленных ссылок, он располагал и закрытой информацией, будучи приближенным или даже включенным в отечественную элиту. Сам факт того, что на протяжении всего послевоенного периода предпринимались попытки реформировать систему управления централизованной плановой экономикой, демонстрирует осознание руководством страны, политической и научной элитой серьезных политико-экономических дефектов системы. Поэтому постоянно звучали слова о необходимости совершенствования системы управления и о том, что «экономика должна быть экономной». Но, как сказал

однажды Б. П. Орлов, совершенствовать можно только то, что изначально не плохо.

Дарон Аджемоглу и Джеймс Робинсон основной причиной распада СССР назвали неудачу в создании эффективной системы стимулов к повышению производительности труда, что было связано не с несовершенством схем поощрения, которых в СССР опробовали великое множество, а с тем, что такая система в принципе невозможна в условиях тотальной монополии КПСС на власть. По их мнению, отказ от экстрактивных экономических институтов неизбежно должен был привести к ликвидации и политических институтов. Что и произошло, когда КПСС потеряла монополию на власть [Аджемоглу, Робинсон, 2016].

На мой взгляд, это все же некоторое упрощение. Прежде всего им следовало указать на снижение качества управленческого класса и искажение стимулов в этой группе. Столь долгое существование неэффективной системы они объясняли тем, что имелись секторы с низкой производительностью труда, и перевод работников из этих секторов в более производительные обеспечивал общий экономический рост. Кроме того, они признавали необыкновенные успехи СССР в области пропаганды как в стране, так и за рубежом. Описывая впечатления Л. Стеффенса от визита в СССР, они приводят его слова о политике большевиков: «Они установили диктатуру небольшого, но хорошо подготовленного меньшинства с тем, чтобы за несколько поколений на научной основе полностью изменить экономику и привести свою страну сначала к экономической демократии, а в конце концов и к демократии политической» [Аджемоглу, Робинсон, 2016. С. 278].

Представление о том, что в СССР в основном были решены проблемы социального неравенства, бедности, безработицы и, главное, национальных взаимоотношений, было широко распространено среди интеллектуалов на Западе. На этом фоне вопросы отставания СССР от ведущих стран по уровню производства и потребления воспринимались лишь как дело времени. П. Самуэльсон предсказывал грядущее доминирование СССР в экономике. В издании его учебника 1961 г. говорилось, что национальный доход Советского Союза превзойдет национальный доход США если не к 1984 г., то уж точно к 1997-му, а в издании 1980 г. сроки лишь были сдвинуты на 2002 г. или 2012 г. [Аджемоглу, Робинсон, 2016. С. 284].

Это обстоятельство, с одной стороны, продлевало срок жизни системы, а с другой – сделало ее обвал неожиданным для подавляющего числа специалистов и наблюдателей. Крушение мифа привело к разрушению всей системы. Те несколько работ, где предрекался грядущий крах СССР, носили футурологический и публицистический характер и, главное, ошибочно трактовали ключевые факторы социально-экономической динамики [Амальрик, 1970]. Закрытость страны не позволяла не только зарубежным исследователям, но и отечественным ученым и управленцам понять ни истинную суть процессов, происходивших в стране, ни то, как на ней отзовутся те или иные управленческие решения. В этом отношении прав был Ю. Андропов, сказавший, что мы плохо знаем свою страну, и тем не менее начавший собственную реформу управления народным хозяйством.

Немаловажно, что к моменту начала реформ произошла переоценка достижений и намерений СССР в общественном сознании и в отношении к нашей стране. С одной стороны, постепенное расширение для граждан СССР источников альтернативной информации и знакомство с жизнью за рубежом провоцировало недовольство внутренней социально-экономической политикой. С другой – события в Венгрии в 1956 г., Чехословакии в 1968 г. и война в Афганистане существенно ухудшили имидж реального социализма в большинстве стран мира, что, впрочем, не помешало развитию и распространению социалистических идей в дальнейшем.

Свой вклад внесла и череда катастроф, пришедшихся на 1980-е годы. Прежде всего чернобыльская авария и землетрясение в Спитаке. Во-первых, если ранее антропогенные и природные катастрофы замалчивались (взрыв на заводе Маяк в 1957 г.) или становились поводом для патриотической мобилизации, подобно ташкентскому землетрясению 1966 г., то в годы перестройки они породили массу претензий к руководству страны и системе управления. С одной стороны, стали очевидны замалчивание масштабов катастрофы и задержки с принятием решений, непрофессионализм на местах, а с другой – зрело ощущение, что в нормальных условиях система управления работает как в чрезвычайных, а при наступлении последних впадает в ступор.

Таким образом, СССР очень долго шел к своему распаду. Такого развития событий мало кто хотел, не говоря уже о том,

чтобы его предвидеть. Отказываясь от конспирологических версий, можно утверждать, что общий итог, с одной стороны, был изначально заложен в политико-экономический и правовой фундамент государства, а с другой – стал следствием множества частных решений, которые имели долговременные последствия. Кроме того, нельзя отвергать и тезис о том, что конфликты, включая и межнациональные, зачастую искусственно провоцировались различными властными органами и структурами в их борьбе за ресурсы и статус как в период перестройки, так и до нее.

Литература

Аджемоглу Д., Робинсон Дж. А. Почему одни страны богатые, а другие бедные. Происхождение власти, процветания и нищеты. М.: АСТ, 2016. 693 с.

Амальрик А. Просуществует ли Советский Союз до 1984 года? Амстердам: Фонд им. Герцена. 1970. 75 с. URL: https://vtoraya-literatura.com/pdf/amalrik_frosushhestvuet_li_sovetsky_soyus_do_1984_goda_1970_text.pdf

Гайдар Е. Т. Гибель империи. Уроки для современной России / Егор Тимурович Гайдар. М.: АСТ CORPUS, 2015. 592 с.

Клисторин В., Павленко С. Как это делалось в Сибири? // Век XX и мир. 1991. № 6. С. 35–37.

Клисторин В.И. Проблема децентрализации управления: от нэпа до наших дней // Российские экономические реформы в региональном измерении: сборник материалов Всероссийской научной конференции, посвященной столетию начала НЭПа / Отв. ред.: В.А. Ильиных, В.М. Рышков; Институт истории СО РАН. Новосибирск: Параллель, 2021. С. 100–109.

Островский А.В. Глупость или измена? Расследование гибели СССР / А.В. Островский. М.: Крымский мост-9Д, 2011. 863 с.

Статья поступила 11.10.2021

Статья принята к публикации 21.10.2021

Для цитирования: *Клисторин В.И.* Как разрушался СССР// ЭКО. 2021. № 12. С. 46–57. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2021-12-46-57

Summary

Klistorin, V.I., Doct. Sci. (Econ.), Institute of Economics and Industrial Engineering, SB RAS, Novosibirsk

How the USSR was Destroyed

Abstract. The paper considers the chain of events and political and economic processes that led to the collapse of the USSR. The destruction of the country was a long process and the gradual degradation of the institutions of “real socialism” was inevitable due to the inability to overcome the extensive model of economic development. Constant attempts to reform the economy and governance system in the country threatened to the central administration to lose its influence and control over resources, and therefore they were curtailed. Serious contradictions, ethnic and

interregional conflicts were embedded in the very structure of the USSR. The core of the political and economic system in the USSR was the Communist Party and federal departments, including security, defense, and law enforcement agencies. When unity in these structures was lost, the collapse of the country turned out to be inevitable. The author believes that attempts to present these processes as exclusively subjective are unreasonable. Hardly anyone in and outside the country really wanted such a development of events, but acting in their own interests, they contributed to that.

Keywords: *the USSR; model of economic growth; reforms; referendum; image of the country; conflicts; catastrophes; monopoly of the Communist Party of the Soviet Union; state capitalism*

References

Acemoglu, D. and Robinson, J. (2016). *Why Nations Fail: The Origins of Power, Prosperity, and Poverty*. Moscow, ACT Publ. 693 p. (In Russ.).

Amalrik, A. (1970). *Will the Soviet Union Survive until 1984?* Amsterdam, Gertsen Foundation Publ., 75 p. Available at: https://vtoraya-literatura.com/pdf/amalrik_prosushhestvuet_li_sovetsky_soyus_do_1984_goda_1970_text.pdf (accessed 05.10.2021) (In Russ.).

Gaidar, E.T.(2015). *The Death of the Empire. Lessons for Modern Russia* / Egor Timurovich Gaidar. Moscow, ACT. CORPUS Publ., 592 p. (In Russ.).

Klistorin, V. and Pavlenko, S. (1991). How It Was Done in Siberia. *The XX Century and World*. Vol. 6. Pp 35–37. (In Russ.).

Klistorin, V. Decentralization of Governance: from NEP to Nowadays. *Rossiiskie ehkonomicheskie reformy v regional'nom izmerenii – Russian Economic Reforms in Regional Dimension*, Novosibirsk, Parallel Publ., 2021, pp 100–109. (In Russ.).

Ostrovskii, A. (2011). *Stupidity or Treason? Investigation of the Death of the USSR*, Moscow, Krymskii Most-9D Publ., 863p. (In Russ.).

For citation: Klistorin, V.I. (2021). How the USSR was Destroyed. *ECO*. No. 12. Pp. 46–57. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2021-12-46-57